

A woman with brown hair in a bun, wearing a red dress with a gold border and a red cape, stands on a rocky outcrop. She is looking out over a vast, mountainous landscape. In the background, there are snow-capped mountains under a blue sky with white clouds. A river flows through a green valley, and a waterfall is visible on the right. The scene is framed by green foliage and red flowers on the left.

Александр Баженов

Семь сфер. II Книга. Врата Шамбалы

Александр Баженов

Семь сфер. II Книга.
Врата Шамбалы

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Семь сфер. II Книга. Врата Шамбалы / А. Н. Баженов —
«Автор», 2026

Артём, молодой человек, пробудивший в себе семь эзотерических сфер, обрёл сверхспособности, любовь художницы Алисы и тихое счастье в яблонево́м саду. Но древний зов из Гималаев нарушает покой: Шамбала — легендарная обитель света и мудрости — в опасности. Артёму и Алисе предстоит пройти через семь испытаний, добыть семь кристаллов-ключей, встретить мифических Нагов, Гаруд, Киннар и богиню Тару, чтобы остановить вторжение тёмных сил во главе с демоном Раху. Эта книга — путешествие в мир ослепительной красоты: нефритовые дворцы, лазуритовые храмы, одеяния из лунного шёлка, драгоценности, в которые вплетены молитвы и любовь. Здесь история Востока оживает в изысканных нарядах и ритуальных предметах, а внутренний свет героев сияет ярче любых сокровищ. Для тех, кто ищет не просто фантастику, а притчу о внутреннем свете, который способен осветить любую тьму.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Пролог. Зов из-за грани	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Семь сфер. II Книга. Врата Шамбалы

Оглавление

Глава 1. Зов из Гималаев

Артёму снова снится Город Трёх Лун — на этот раз с храмом и алмазом. Голос зовёт его к Вратам Шамбалы. Бабушкин звёздный кулон и обрывок карты с надписью «Нагга-двипа» указывают путь. Артём и Алиса отправляются в Гималаи. В предгорьях они находят древнюю лестницу, статую богини с десятью руками, одеяния которой Артём «читает» через психометрию. Пещера с семью кристаллами-ключами. Встреча с Такшакой и Нагами. Испытание начинается. Цитаты Экзюпери, Юнга, Лао-Цзы.

Глава 2. Испытания корня, эмоций и воли

Первое испытание: Муладхара. Артём побеждает Змея Земли Васуки и получает рубин. Созерцание доспехов Такшаки. Второе испытание: Свадхистхана. Пустыня эмоций и сердолик. Третье испытание: Манипура. Лабиринт воли и топаз. Четвёртое испытание: Анахата. Прощение Магистра Хранителей и изумруд. Созерцание лазуритового алтаря гандхарвов. Цитаты из «Шримад Бхагаватам», Ригведы, Патанджали, Лао-Цзы.

Глава 3. Голоса, творение и абсолют

Пятое испытание: Вишудха. Артём слышит голоса всех существ в пещере и получает аквамарин. Созерцание сокровищницы Такшаки: ожерелье Ситы, браслет Драупади, Зеркало Истины. Шестое испытание: Аджна. Создание Синги — крылатого льва из лунного света — и получение сапфира. Седьмое испытание: Сахасрара. Встреча с Тарой. Артём отдаёт половину седьмой сферы Алисе, пробуждая её центры. Алиса получает платье из лунного шёлка. Созерцание одеяния Тары и её короны. Цитаты Блейка, Юнга, Экзюпери.

Глава 4. Врата открываются

Семь кристаллов встают в углубления алтаря. Врата в Шамбалу открываются. Созерцание Шамбалы: лазуритовые храмы, нефритовые дворцы, мозаика, меняющая цвет под шагами. Встреча с Ригденом Джапо. Предупреждение об асурах и Раху. Пир в Чертоге Мира: сома в сапфировых кубках, нефритовые тарелки, шар с миниатюрной Шамбалой. Цитаты из «Калачакра-тантры», Вернадского, Экзюпери.

Глава 5. Союзники и битва

Знакомство с Гарудой Адитьей, Киннарами, Якшами. Созерцание доспехов Гаруды с сапфировым нагрудником. Интриги в Совете Шамбалы: Дурьодхана против Ригдена Джапо. Битва в Долине Тысячи Лотосов. Артём активизирует все семь сфер, Алиса сражается рядом в платье из лунного шёлка. Раху превращается в обсидиан. Цитаты из «Бхагавад-гиты», Манделы.

Глава 6. Колесо времени и возвращение

Зал Колеса Времени: живая мандала из света. Ригден Джапо предлагает Артёму изменить один момент истории. Артём отказывается — мудрость в принятии. Прощальные дары: обручальные кольца из метеоритного железа с семью камнями-ключами, плащи из лунного шёлка. Синга остаётся охранять Врата. Возвращение в яблоневый сад. Цитаты Экклезиаста, Толстого, Патанджали, Экзюпери.

Послесловие

О Шамбале как состоянии души. О любви, которая сильнее тьмы. О том, что свет не гаснет — он умножается. Цитаты из «Йога-сутр» Патанджали.

Пролог. Зов из-за грани

Прошло два года с тех пор, как я пробудил семь сфер. Наш дом в яблонево́м саду стал тихой гаванью, куда изредка забредали странники — кто за исцелением, кто за советом. Я не отказывал никому, но сам всё чаще чувствовал смутное беспокойство. Сферы внутри меня пульсировали ровно, но временами — особенно на рассвете, когда мир замирает между сном и явью, — я слышал далёкий зов. Он шёл не извне, а словно из глубины земли, из тех корней, что Муладхара проросла в недра планеты.

Однажды ночью мне снова приснился Город Трёх Лун — тот самый, из первого сна. Но теперь он изменился: по улицам, вымощенным перламутром, текли не только золотистые туманы, но и живые существа. Я видел людей с тёмно-золотистой кожей, облачённых в одежды из переливчатого шёлка, похожие на одеяния тибетских лам. Видел зверей, которых нет в нашем мире: крылатых львов с перьями павлина, змей с рогами оленя, птиц с хвостами, горящими как кометы. В центре площади, где прежде стоял обелиск, теперь возвышался храм с восемью гранями, а над ним парил гигантский прозрачный камень — алмаз чистейшей воды, вращающийся медленно, словно планета.

Голос, который я уже знал, зазвучал отовсюду:

— *Семь сфер пробуждены в тебе, но мир велик, и в нём есть врата, что ждут ключа. Ты стоишь у первых. Имя им — Шамбала. Хватит ли мудрости войти?*

Я проснулся в холодном поту. Алиса сидела рядом и держала меня за руку. Кварцевые кулоны на наших грудях пульсировали синхронно.

— Ты тоже слышал? — прошептала она.

Значит, это был не просто сон. Я кивнул, но несколько мгновений не мог вымолвить ни слова — не от потрясения после сна, а от того, как она выглядела в этот предрассветный час. Лунный свет падал из окна на её лицо, и оно казалось выточенным из старой слоновой кости — благородно-бледным, с мягким свечением, идущим словно изнутри. Её русые волосы, обычно собранные в небрежный пучок, сейчас рассыпались по плечам, и в них запутались серебряные нити лунного света. Глаза — серые, с янтарными крапинками, — смотрели на меня с той спокойной тревогой, которую я научился читать за два года: она волновалась, но не за себя — за меня.

— Ты очень красивая сейчас, — сказал я, не думая.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда начиналась в уголках губ и медленно, как рассвет, разливалась по всему лицу, достигая глаз. В такие моменты её глаза меняли цвет: янтарные крапинки словно загорались изнутри, и серый становился золотистым. Это была улыбка, ради которой я готов был пройти любые испытания. Улыбка, которая лечила лучше любого лекарства. Улыбка, в которой помещался весь свет Шамбалы — той, что ещё не открылась нам, но уже жила в ней самой.

— Ты тоже ничего, — ответила она полушутя, но её пальцы крепче сжали мою ладонь. — Рассказывай, что видел.

Шамбала — слово, которое веками будоражило умы мистиков. В тибетском буддизме это сокрытая страна, где хранится учение Калачакры — «Колеса Времени». Рерих искал её в Гималаях, Блаватская описывала как обитель Махатм — Великих Учителей. Но бабушка в своих заметках на полях книги «Семь сфер» написала лишь одну фразу: «Шамбала — не место. Это состояние. Но чтобы его достичь, нужны Врата. Ищи в Азии». Рядом был приклеен пожелтевший лепесток лотоса — символа чистоты и просветления, — и обрывок карты с надписью на санскрите: «Нагга-двипа» — Остров Змей. Так я впервые услышал о Нагах — мифических существах-змеях, хранителях тайных знаний в индуистской и буддийской мифологии.

И ещё бабушка написала на полях, простым карандашом, почти стёршимся от времени: «Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь. Храни его, как хранят огонь в очаге — не дай ветру задуть, не дай дождю залить. Ибо когда свет гаснет, первыми замерзают те, кто грелся у твоего костра». Тогда я не понял этой записи. Теперь — понимаю всем сердцем.

Я поделился с Алисой. Она долго рассматривала лепесток и обрывок карты, а потом достала из своей шкатулки амулет — серебряную змею, кусающую свой хвост, инкрустированную изумрудами.

— Это Уроборос, — сказала она. — Символ вечного цикла. Но в индийской традиции змея — это Кундалини, та самая энергия, что поднимается по сферам. Может, твой путь ещё не окончен?

Я смотрел, как её пальцы — длинные, с аккуратными ногтями без лака, пальцы художницы — держат амулет. В этом жесте было столько естественной грации, что я невольно залюбовался. Алиса никогда не позировала, не стремилась выглядеть красивой — и именно поэтому была прекрасна. Её красота была тихой, ненавязчивой, как красота полевого цветка. Она не бросалась в глаза, но, раз увидев, уже не мог отвести взгляд.

— Ты почему так смотришь? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Любуюсь, — честно ответил я.

Она чуть покраснела — лёгкий румянец проступил на скулах, и это сделало её лицо ещё живее. В такие моменты она напоминала мне девушек с полотен прерафаэлитов: та же одухотворённость, та же внутренняя тишина, та же загадка в глубине глаз.

В тот же вечер мы начали готовиться к путешествию.

Глава 1. Врата в предгорьях Гималаев

Самолёт до Катманду, затем джип до маленького посёлка на границе с Тибетом, а дальше — пешком. Мы шли по горным тропам, и воздух становился всё разреженнее, но благодаря первой сфере я почти не чувствовал усталости. Алиса дышала тяжелее, но держалась — её Вишудха, приоткрывшаяся за два года, помогала телу адаптироваться. Кварцевые кулоны мы не снимали, и я постоянно ощущал её присутствие — тёплую, спокойную волну на краю сознания.

На третий день пути, в предгорьях, поросших рододендронами, мы наткнулись на древнюю каменную лестницу. Ступени были стёрты тысячами ног, а по бокам стояли обветренные статуи — многорукие божества с ликами, полными потустороннего покоя.

Я задержался у статуи богини с десятью руками. Прикоснулся к складкам каменного сари, и психометрия перенесла меня на три тысячи лет назад. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых золотой нитью, оборачивали каменные плечи шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы. Поверх накидывали вуаль из прозрачного хлопка, расшитого серебряными звёздочками с алмазными бусинами в центре.

Передо мной пронеслись видения. Я увидел, как три тысячи лет назад эту статую одевали в настоящие ткани. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых по краю золотой нитью, оборачивали каменные плечи богини шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы, который ткали только в полнолуние, чтобы лунный свет вплёлся в нити. Поверх шёлка накидывали вуаль из прозрачного хлопка, расшитого мельчайшими серебряными звёздочками, каждая с бусиной неогранённого алмаза в центре. Гирлянды из живых цветов — жасмина и бархатцев — обвивали запястья статуи, и их аромат смешивался с запахом сандаловых благовоний.

Потом видение сменилось. Я увидел, как другой жрец, столетия спустя, украшал статую драгоценностями. На шею богини он возложил ожерелье из семи нитей: рубины для Муладхары, сердолики для Свадхистханы, топазы для Манипуры, изумруды для Анахаты, аквамарины для Вишудхи, сапфиры для Аджны и, наконец, алмазную подвеску в центре — для

Сахасрары. Камни были подобраны так, что каждый загорался от солнечного луча под своим углом, и статуя сияла радугой. На ногах богини звенели серебряные браслеты с колокольчиками, настроенными на семь нот октавы, а на лодыжках — золотые цепочки с крошечными павлиньими перьями из эмали.

— Ты видишь что-то? — тихо спросила Алиса.

— Да... — я с трудом вернулся в реальность. — Они одевали её столетиями. Каждое поколение добавляло что-то своё. Шёлк, камни, цветы. А потом время стёрло всё, кроме камня. Но камень помнит.

— Знаешь, — Алиса задумчиво коснулась стопы статуи, — в этом есть глубокая мудрость. Мы украшаем божественное, хотя оно само — источник красоты. Мы словно возвращаем ему то, что оно дало нам.

Я посмотрел на неё и снова забыл о статуе. Алиса стояла, чуть склонив голову, и её пальцы лежали на каменной стопе богини с такой нежностью, словно она прикасалась к живому. В рассветных лучах её дорожное пальто казалось сотканным из света. Ветер шевелил выбившиеся из пучка пряди волос, и в них играло солнце — так играет оно в крылышках стрекозы, заставляя переливаться тончайшие перепонки. Кончики её ресниц золотились, а на левой скуле, чуть ближе к уху, темнела крошечная родинка — та самая, которую я мысленно называл «точкой отсчёта», потому что именно с неё всегда начинал рассматривать её лицо. Она не носила богатых одежд — только те амулеты, что были с ней всегда: лунный камень на шее, обсидиановый диск, кварцевый кулон и мотанку в кармане. Но сейчас, на фоне древней статуи, она сама выглядела как богиня.

— Есть древняя индийская пословица, — сказал я, — «Красота — это обещание счастья». Эти статуи обещают счастье тем, кто умеет видеть сердцем.

— Или тем, кто умеет ждать, — улыбнулась она. — Три тысячи лет ждать, пока кто-то придёт и оценит.

Я задумался, глядя на статую. Жрицы, украшавшие её, не просто отдавали дань божеству. Они вкладывали в каждый камень, в каждую нить свою любовь — и тем самым приумножали собственный свет. Это древний закон, о котором забыли в современном мире: отдавая свет, ты не теряешь его, а преумножаешь. Когда даришь любовь, её становится больше. Когда отдаёшь тепло, согреваешься сам. Бабушка говорила мне в детстве: «Тёмочка, если хочешь быть здоровым и счастливым, каждый день делай что-нибудь для других. Не ради награды — ради того, чтобы твой внутренний огонёк не гас. Огонёк, который только для себя, — это искра. А огонёк, которым делишься, — это солнце». Я тогда не понимал этих слов. Теперь, глядя на статую, которую украшали три тысячи лет, я понял: свет этих жриц до сих пор живёт в камне. И он согревает меня сейчас, спустя тысячелетия.

Лестница привела нас к ущелью, над которым нависала скала с высеченным в ней гигантским ликом Будды — глаза полуприкрыты, губы тронуты улыбкой. В основании статуи чернел проход. Мы вошли. Темнота сомкнулась, а затем вспыхнул свет — мягкий, жемчужный, струящийся из стен, словно сам камень флуоресцировал.

Пещера оказалась огромной, с куполом, теряющимся в вышине. В центре возвышался алтарь, а на нём — семь углублений, в которых покоились семь кристаллов. Каждый был размером с кулак, огранённый, но не человеческой рукой — грани напоминали природные формы, снежинки, спирали. Они мерцали, и я чувствовал, как мои сферы отзываются на их пульсацию.

— Ключи, — выдохнула Алиса.

Из теней выступили трое. Они не были людьми в привычном смысле. Высокие, с бронзовой кожей, одетые в доспехи, похожие на чешую. Глаза — вертикальные зрачки, на висках — едва заметные узоры, напоминающие змеиные чешуйки. Наги.

— Стойте, пробуждённые, — произнёс старший, кланяясь с достоинством. — Я — Такшака, страж Врат. Вы пришли за ключами, но чтобы взять их, вы должны доказать, что семь

сфер в вас не дремлют. Каждый кристалл отдаётся лишь тому, кто пройдёт испытание соответствующей сферы.

— Мы готовы, — ответил я.

— Тогда начнём. Первая сфера — Муладхара. Испытание страхом смерти.

Глава 2. Испытание Первой Сферы: Змей Земли

Такшака взмахнул рукой, и из пола пещеры поднялась каменная платформа. Вокруг неё закрутился вихрь, и я оказался на голой скале посреди бушующего океана. Волны били о камень, ветер хлестал в лицо, а из пучины поднялось существо — гигантский змей с чешуёй, отливающей багрянцем. Он раскрыл пасть, и я увидел бездну.

— Это Васуки, Змей Земли, — раздался голос Такшаки. — Он олицетворяет первобытный страх. Победи его — или он поглотит тебя.

Я вспомнил первую сферу, вспомнил аварию на мокром асфальте, когда Муладхара пробудилась впервые. Тогда я победил боль, но страх смерти — это нечто иное. Змей бросился на меня, и я не стал уворачиваться. Вместо этого я открыл красную сферу в основании позвоночника и направил её энергию в землю — точнее, в скалу под ногами. Корни моего духа проросли в камень, и я стал неподвижным, как гора. Васуки ударил — и рассыпался мириадами искр, потому что страх не может сломать то, что укоренено в вечности.

Видение растаяло. В руке у меня оказался рубин — первый ключ, пульсирующий алым светом.

В мифах Азии змеи — двойственные существа. Они и ядовиты, и целительны; и стерегут сокровища, и открывают мудрость. Наги в индуизме — полубожественные создания, живущие в подземных мирах Паталы, владеющие магией и ядами. Они изображаются с короной из кобр и могут менять облик. Васуки — царь змеев, опоясывающий гору Меру во время пахтания океана. А в моей душе змей Кундалини, пробудившись, свернулся в основании позвоночника и ждал часа, когда поднимется до Сахасары. «Змея — символ мудрости и вечности, — говорила бабушка. — Не бойся её, но уважай». Как сказано в «Шримад Бхагаватам»: *«Тот, кто видит змея Кундалини, спящего в корне тела, тот пробудит её и достигнет освобождения»*.

Алиса помогла мне встать с платформы. Я смотрел на неё — запыхавшуюся, с капельками пота на висках (она переживала за меня так, словно сама была на скале), — и думал о том, как удивительно сочетается в ней хрупкость и сила. Телосложения она была тонкого, почти девичьего: узкие запястья, длинная шея с трогательной ложбинкой у ключиц, плечи, которые, казалось, не могли бы вынести никакой тяжести. Но я-то знал: эти плечи выдержали смерть родителей, годы одиночества, а теперь — путь к Вратам Шамбалы. В этой хрупкости была скрыта стальная пружина. Как в ивовом пруте: гнётся, но не ломается.

— Ты как? — спросила она, и её голос чуть дрогнул на слове «ты».

— Живой, — ответил я. — Благодаря тебе.

Алиса помогла мне встать с платформы. Её ладонь была тёплой, и кварцевый кулон на её шее мягко светился.

— Одно есть, — прошептала она. — Осталось шесть.

После испытания Такшака дал нам время отдохнуть. Я сидел у стены пещеры и рассматривал доспехи нашего проводника. Это была броня, не похожая ни на что виденное мной. Пластины, выкованные из неизвестного металла — не сталь, не серебро, а нечто среднее, цвета грозового неба. Каждая пластина была покрыта тончайшей гравировкой, изображавшей змей, переплетённых в сложный орнамент. Когда Такшака двигался, змеи на доспехах, казалось, скользили — так искусна была работа.

Поверх доспехов он носил плащ из шёлка, переливавшегося оттенками зелёного и синего, словно павлинье перо. По краю плаща шла вышивка серебряной нитью — мантры на санскрите, каждая буква размером с ноготь, но выписанная с каллиграфической точностью. Я прочитал одну строку: «Ом мани падме хум» — «Сокровище в лотосе». Плащ застёгивался

на груди пряжкой в виде змеи, кусающей свой хвост, — Уроборос, инкрустированный изумрудами и мелкими бриллиантами.

— Тебе нравится моя броня? — спросил Такшака, заметив мой взгляд.

— Она прекрасна, — честно ответил я.

— Её ковали мастера Паталы, подземного мира, пять тысяч лет назад. Каждая пластина омыта в семи священных реках и благословлена семью мудрецами. Этот плащ ткали из нитей лунного шёлка — гусеницы, что живут только в садах Шамбалы, дают шёлк, светящийся в темноте. Видишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.